

Пушок платка, сверчок ботинка,
Лицо твое на ободке.
А подо мной — река Неглинка,
А надо мной — налегке —

Прозрачных ангелов сиянье,
Ресниц серебряный венец.
Без оперенья, без названья
Предвижу страшный свой конец:
Мне кажется, что на просторный
Взлечу пошатр, теряя хвост,
И мир стерит, как дом игорный,
Кузнецкий рассекая хвост.

.....

Стою, как проклятый, в дверях,
И желтым шепстом тумана
Струится чья-то кровь с дивана
Адмиралтейского впотьмах.

Ложусь на желтые цветы,
Гляжусь, как в зеркало, в ботинки...
Как стыдно мне, что ни кровинки
Не выпало из темноты,

Когда рождественское солнце
Игольное прошло ушко,
И взвыли Врубель и Машков,
С подгнившего скатясь балкона.

Заложен в смерть двойник,
И род его занятий —
Выхлестывать из книг
Химеры восприятий.

В ответственной миг
Всесобиратель братий
Совсем, как-будто, сник
И выпал из объятий.

Он умер и возник.
Но тем витиеватей
Его тлетворный лик
Из-под семи печатей.

.....

Я за порогом разума и света.
Откуда ты, прелестное дитя?
Я здесь один. Здесь ни зима, ни лета.
Лишь колокольчик падает, свистя,

На ангелов сбрубленное пенье
И вниз летит сквозь вечности помост.
Ни ни любви, ни смерти, ни терпенья!
Шестнадцать лет, шестнадцать долгих верот!..

.....

Среди рождественских морозов
Туманно дремлет пешеход.
Он ствратителен и розов,
Рот разевая на восход.

Нет, не медаль в его кармане, —
Пустая ваза дребезжит.
И луч горит на снежном стане,
А в горле — лилия дрожит.

И вдаль идет державным шагом,
А впереди, едва дыша,
С сражесвым несется флагом
Его померкшая душа.

Снился сон мне — будто ~~ширококрылая~~ рушу
 В ночь кровавое перо,
 И вошло мне счастье в душу,
 Как дырявое зеро.

Как звенящая антенна
 В кушине колоколов —
 Отдан ангельский улев,
 Пройдена пустая вена.

В ночь кровавую, сирую —
 Полусолнце-полунтеф...
 Я игрок — но не верую,
 И теряю — но не кров.

Не любовь твою, не маску
 И не губ твоих туман,
 А дырявую замазку
 Пребиваю сквозь карман.

Пусть горит она, земная,
 Изначальная, как точь.
 Но бессмертная, иная
 Опустилась в сердце ночь.

.....

Вкус терпкий, необыкновенный,
 Он достается наяву
 Один лишь раз. И сквозь траву
 Звенит твой голос незабвенный.
 Самоубийцею звенит тяжелый мост,
 И между нами
 Тяжелыми сплюснутыми снами
 Наш груз подъят на аванпост.
 Ах сколько жгли и целовали,
 И выявляли красоту
 Блудниц космических, их талии
 Пресбрасывая в ту —

Единственную — нитью тонкой
Насквозь пронзившую снега,
Пока в структуре очага
Не треснул лес под перепонкой!
Мир канул. И многоугольный
Восход над замкнутой Москвой
Сгорел. А я — полуживой,
Полуседой, — не не безвольный, —
Не выйти из повяновенья
Не смог. В груди смяла мгла,
И в жилах черная игла
Опустошенного смиренья
Расплавилась — пока в пруду
Кора деревьев усиленных
Белталась, и шлевки влюбленных
Плели в оранжевом саду
Веник воздушный $\times$ и тлетворный
Над головою бытия...
Потом скончался тихо я,
И вывели сквозь выход черный.

ЛЕЖНИЙ ДЛИТЯХ

I

И над ямлем обнаженным
Глубокий мальчик — шар повис.
Он уже спешил вниз,
И по стопам твоим сожженным
Едва-едва свой путь печальный
Я различал и намечал...
И вот касск, и вот причал!
Но пещелуй первоначальный
Уж не вернуть,
И в смертный путь
Корабль отправился венчальный.

II

Вот баба с красною вуалью —
Вуалью дьявола, быть может,
Цьет бормоту со всякой швалью
И воoble кость сухую гложет.

Смстри на алое пятно,
На вялсе определенье —
Оно, как солнце, вылетено
В судьбу твою кровавой тенью.

И не забудешь ты, зверек,
Свсе теряя воплощенье,
Ни дьявольское угощенье,
Ни этот ёбанный ларек.

.....

Бессмертья огненный рубец
Уже над городом витает.
Уже рука моя не тает
В твоей руке. Уже конец,

Движенью мягкому скъзъ черный
Широкий пласт. И жжет свеча.
И в пустоте сижу, шепча
Молятесслсв огнеупорный.